

ответственность за него. Человек не принимает решение о поступке, принимая решение, не может не влиять на то, что происходит в мире и с миром. Способность нравственного суждения и реализующие ее нравственно ответственные поступки не свойство человека как субъекта действия, как личности, они суть то, что учреждают его в качестве субъекта, личности. В рамках такого понимания философская этика отказывается от общезначимого и обязывающего ответа на вопрос «Что я должен делать?» и делегирует право ответа на него самому действующему индивиду. В этом смысле каждый нравственно зрелый индивид – сам себе философ.

Сказанное относится к тому, что человек делает, к поступкам, которые он совершает. Но ведь наряду с этим существуют поступки, которые он не совершает, от которых отказывается. Отказ от поступка тоже поступок, назовем его негативным поступком. Возникает вопрос, не поддаются ли они, негативные поступки, философски обоснованному нормированию, не существует ли таких поступков, отказ от которых имеет нормативный смысл, является прямым следствием заданной нормы и может претендовать на ту абсолютность, которую всегда искала философская этика. Я хотел бы закончить свои рассуждения предположением, что философская этика окажется более удачливой и обретет новое дыхание в негативном варианте, если откажется от анализа норм, оставив такой анализ другим областям знания и практикам, и перейдет к анализу запретов, вместо вопроса «Что я должен делать?» сосредоточится на вопросе «Что я должен не делать?».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ Фрагменты ранних греческих философов / пер. А. В. Лебедева. М., 1989. Ч. 1. С. 15.
- ² Декарт Р. Сочинения. В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 256.
- ³ Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М., 1991. С. 146.
- ⁴ Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. СПб, 1993. Кн. 1. С. 109–110.
- ⁵ Арендт Х. Мышление и соображение логики // Откровенность и суждения. М., 2013. С. 242.

Поступила в редакцию 27.08.13.

УДК 130.2+141.0

М. А. МОЖЕЙКО
(МИНСК)

ПОСТМОДЕРНИЗМ И СИНЕРГЕТИКА: ФОРМИРОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ НЕЛИНЕЙНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ФИЛОСОФИИ И НАУКЕ

Парадигмальные основы общей теории нелинейных динамик развиваются – параллельно – в современном естествознании (дисциплинарное развитие синергетики) и в гуманитаристике (постмодернистское направление современной философии). Это открывает возможность взаимного дополнения синергетической и философской версий осмысления феномена нелинейности и разработки целостной концепции нелинейных процессов.

Ключевые слова: нелинейность, синергетика, постмодернизм, теория нелинейных динамик, нелинейное моделирование.

Some paradigmatic fundamentals of the general nonlinear dynamics theory are developing in parallel in contemporary science (disciplinary development of synergy) and humanities (postmodern direction of modern philosophy). It suggests the possibility of a mutual supplement of synergistic and philosophical versions of understanding the non-linearity phenomenon and elaborating an integral conception of non-linear processes.

Key words: non-linearity, synergy, postmodernism, theory of nonlinear dynamics, nonlinear modelling.

В качестве базовой для данной статьи выступает следующая гипотеза: парадигмальные основоположения общей концепции нелинейных динамик вырабатываются современной культурой параллельно в рамках и естественнонаучной (дисциплинарное развитие синергетики), и гуманитарной (постмодернистское направление развития философии) традиций, что открывает возможности содержательного взаимо-

дополнения синергетической и постмодернистской версий концепции нелинейных процессов.

Для демонстрации парадигмальной конгруэнтности синергетической и постмодернистской исследовательских стратегий компаративно проанализированы основополагающие парадигмальные установки синергетики и постмодернистской философии языка.

Этой цели подчинена и архитектура статьи: в каждом разделе выделяется двойной объект анализа – своего рода параллель: синергетический и постмодернистский конститутивные принципы, соответствующие, по мнению автора, друг другу.

Неравновесные среды как предмет исследования синергетики: феномен креативной самоорганизации

Креативный потенциал «хаотической текстовой среды»: процедуры смыслопорождения в дискурсивных практиках письма и чтения

Фундаментальным критерием «сложности» в синергетике выступает показатель не статического характера (многоуровневость структурной иерархии объекта и т. п.), а сугубо динамического, а именно: наличие имманентного потенциала самоорганизации. Синергетика исследует класс систем, находящихся за пределами границ состояния термодинамического равновесия. Определяя равновесное состояние среды, А. Баблюянец отмечает, что, когда «энтропия изолирует часть материи, которая обладает совокупностью свойств и называется системой», среда входит в такой режим функционирования, что «при этом значении энтропии возможность изменений исчезает»¹. В этой ситуации действующие на систему возмущения (как внешнего, так и внутреннего характера) затухают во времени, т. е., по формулировке Г. Николиса и И. Пригожина, «не оставляют следов в системе»².

Однако возможны нестационарные состояния системы, такие, в которых не успевает установиться равновесное состояние, – в этой ситуации система характеризуется неустойчивостью по отношению к собственным начальным параметрам (неустойчивость по Ляпунову): при прохождении точек неустойчивости в различных средах обнаруживается свойство перехода к состоянию сложности, т. е. в этих средах, как пишут Г. Николис и И. Пригожин, «могут возникать макроскопические явления самоорганизации в виде ритмически изменяющихся во времени пространственных картин»³. Таким образом, описываемая система обретает пространственно-структурную и темпоральную определенность: в ней спонтанно устанавливается новый молекулярный порядок – визуально наблюдаемая макроструктура.

На этой основе синергетика формулирует свой основополагающий тезис о том, что на всех уровнях структурной организации бытия именно неравновесность, по словам И. Пригожина и И. Стенгерс, «порождает порядок из хаоса»⁴.

Важнейшим моментом осмысления в синергетике понятия «хаос» является акцентировка неоднозначности его соотношения с энтропией: как пишет О. Тоффлер, «энтропия – не просто безостановочное соскальзывание системы к состоянию, лишенному какой бы то ни было ориентации, при определенных условиях энтропия становится прародительницей порядка»⁵. Таким образом, синергетика делает акцент не на аспекте феноменологического отсутствия наличной упорядоченности, но на аспекте потенциальной эволюционной креативности, имманентной возможности становления новой упорядоченности.

Установка на восприятие хаоса как обладающего креативным потенциалом унаследована современной культурой от натурфилософской традиции: начиная от античной семантической фигуры хаоса как чреватого космосом (хаос как «космическая протопотенция» у Гесиода, «начало всякого бытия» у Акусилая и Ферекида) – через ренессансную натурфилософию (становление красоты «из лона хаоса» у Дж. Пико делла Мирандолы) и новоевропейский романтизм (становление хаоса в космос у Ф. Шлегеля) – вплоть до актуализации идеи креативного потенциала хаоса в модернизме (хаос как сфера поисков первоначала бытия в раннем экспрессионизме: «Идиллия южных морей» Э. Х. Нольде, «Борьба форм» Ф. Марка и др.), – в противоположность истолкованию хаоса как альтернативы рационально постигаемой упорядоченности (классическая механика и, соответственно, новоевропейская механистическая картина мира).

В рамках синергетического видения реальности хаос выступает в качестве физического обеспечения неравновесности, т. е., соответственно, как фактор самоорганизации.

Если синергетическое видение мира рефлексивно обозначается И. Пригожиным как «философия нестабильности»⁶, то в полной мере эта дескрипция может быть

отнесена и к философии постмодернизма. По наблюдению И. П. Ильина, сам постмодерн «порожден атмосферой социальной нестабильности»⁷. В оценке Ж.-Ф. Лиотара культура постмодерна ориентирована на «поиск нестабильностей»⁸. Классическим примером в этом отношении является «теория катастроф» Р. Тома, формулирующая своей целью дискредитацию самого понятия «стабильная система», фундированного презумпцией линейного детерминизма (сферу действия последнего Р. Том ограничивает «локальными островками» в хаосе всеохватной нестабильности)⁹.

В своих модельных представлениях о реальности постмодернизм, по оценке В. Лейча, «создает формы порядка как беспорядка»¹⁰, и на смену идеологии «порядка вещей», по мнению Б. Смарта, приходит идеология «беспорядка и разлада (disorder)»¹¹. Фундаментальной предпосылкой мироинтерпретации выступает отказ от идеи целостности, иерархичной структурности и гармоничной упорядоченности мира: в зеркале постмодерна мир, по словам Ф. Джеймисона, «становится... хаотичным и разнородным»¹². В отличие от модели стабильной системы, базовой для философии классического типа, для постмодернизма в качестве базовой выступает модель системы нестабильной, неравновесной, подчиненной в своей динамике закономерностям нелинейного типа, или, по Ж.-Ф. Лиотару, «антимодель стабильной системы»¹³. Презумпция тотального семантического хаоса обозначена Ю. Кристевой как уверенность в «бессмысленности Бытия»¹⁴.

Источником любой динамики, по Ж. Делезу, выступает «потенциальная энергия» системы, которая оценивается как «метастабильная»¹⁵. «Метастабильность» постмодернистской предметности в том, что последняя не может быть интерпретирована ни в качестве просто хаотичной, ни в качестве космически упорядоченной (если понимать эту упорядоченность как финальное обретение структуры и смысла). Не случайно Ж. Делез использует в «Логике смысла» понятие «хаос-космос»¹⁶, а во втором томе «Капитализма и шизофрении» Ж. Делез и Ф. Гваттари обращаются ко введенному в свое время Д. Джойсом понятию «хаосмос» («Поминки по Финнегану»)¹⁷.

Важным моментом совпадения трактовки хаоса в синергетической и в постмодернистской парадигмах является его понимание в качестве «достигнутого», признание «достижения хаоса» необходимым этапом развития от простого к сложному. Постмодернистская философия понимает хаос как достигаемый в результате целенаправленной процедуры по отношению к семантическим средам: от принципа «внесения хаоса в порядок» в контексте «патафизики» А. Жарри до принципа «нонселекции» как преднамеренного создания текстового хаоса у Д. В. Фоккема¹⁸. Постмодернистская философия текста базируется на таких фундаментальных презумпциях, как презумпция отказа от идеи референции (концепция «пустого знака») и презумпция отказа от смысла в качестве наличного (презумпция «усмотрения хаоса» и толкования последнего в качестве смыслопорождающего).

Согласно концепции «означивания», предложенной Ю. Кристевой и универсально принятой постмодернизмом, смысл обретается текстом, не являясь исходно ни заданным, ни данным. Презумпция отсутствия изначального смысла текста находит свое выражение в семантической фигуре «смерти Автора». В аксиологической системе постмодернизма автор символизирует идею внешней принудительной каузальности, в ситуации которой линейный тип детерминизма предполагает и линейное объяснение явления через указание на его единственную и исчерпывающую причину, в качестве которой для текста выступает автор. Постмодернизм отвергает классическую интерпретацию текста как «произведения» (произведенного автором): «присвоить тексту Автора – это значит... застопорить текст, наделить его окончательным значением, замкнуть письмо». В рамках данного подхода на смену понятию «автор» постмодернистская философия выдвигает понятие «скриптор» («пишущий»). Фигура автора утрачивает свою психологическую артикуляцию и деперсонифицируется: он, по Р. Барту, «рождается одновременно с текстом, и у него нет никакого бытия до и вне письма, он отнюдь не тот субъект, по отношению к которому его книга была бы предикатом»¹⁹.

Важнейшим выводом из данной установки является идея о порождении смысла в акте чтения, понимаемого как «активная интерпретация», дающая «утверждение свободной игры... без истины и начала» (Ж. Деррида)²⁰. В этом контексте Дж. Х. Миллер формулирует положение о читателе как источнике смысла: «каждый читатель овладевает произведением... и налагает на него определенную схему смысла»²¹.

Однако постмодернизм не завязывает процедуру смыслопорождения на фигуру читателя в качестве ее субъекта, внешнего причиняющего начала (ибо в этом случае фигура читателя была бы эквивалентна фигуре автора), утверждая абсолютную независимость интерпретации от текста и текста от интерпретации. В трактовке таких авторов, как Т. Д'ан, Л. Перрон-Муазес и др., автор, читатель и текст растворяются

в едином вербально-дискурсивном пространстве²². В аспекте генерации смысла как чтение, так и письмо – это, по Р. Барту, «не правда человека... а правда языка», – «уже не “я”, а сам язык действует, “перформирует”»²³.

Смысл трактуется в качестве не привнесенного субъектом, но автохтонного: он самопричинен, по выражению Ж. Делеза, «в связи с имманентностью квазипричины»²⁴.

Смыслорождающее значение признавалось за самодвижением языка уже в сюрреализме (техника автоматического письма). Феномен аутотрансформации текста зафиксирован Э. Ионеско: «текст преобразился перед моими глазами. Это произошло... против моей воли. ...Предложения... сами по себе пришли в движение»²⁵. Самодвижения языка отмечено И. Бродским: поэт «есть средство существования языка. ...Язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку»²⁶. Аналогичные идеи высказывались и в рамках неклассической философии: так, согласно Г.-Г. Гадамеру, «сознание индивида не есть мерка, по которой может быть измерено бытие языка»²⁷; по Ж.-П. Сартру, язык есть «саморазвивающееся безличное начало, действующее через и помимо человека»²⁸ и т. п.

Способность производить «эффект смысла» М. Фуко признает за «структурами языка»²⁹, обладающими, по Ю. Кристевой, «безличной продуктивностью», порождающей семантические вариации означивания³⁰. Смыслогенез предстает, по Дж. В. Харрари, как самоорганизация текстовой «саморождающейся продуктивности... в перманентной метаморфозе»³¹.

Субстратом смыслопорождения выступает текстовая среда, понятая как хаотичная: аструктурная и децентрированная. Как пишет Дж.-И. Тадье, текст перманентно «деконструируется ради своего вечного порождения»³². Таким образом, постмодернистски понятый текст выступает в качестве неравновесной самоорганизующейся среды: децентрированный текст принципиально нестабилен и характеризуется «взвешенностью между активностью и пассивностью», «взвихренностью», которая «не поддается упорядочению»³³. Это задает ту же ситуацию, что в синергетическом контексте задает феномен неравновесности: система чревата радикальными трансформациями (прежде всего структурного плана). Так, концепт Ж. Деррида «разнесение» фиксирует именно этот момент: «грамма как разнесение... это структура и движение», открывающее возможность «других текстовых конфигураций»³⁴. Бытие текста реализуется в осцилляциях между версиями означивания, между смыслом и его деструкцией, – текстовая среда интерпретируется постмодернизмом как непредсказуемая, всегда готовая породить то, что синергетика обозначает в качестве флуктуации.

«Смерть Автора» означает и «смерть произведения»: его место занимает подвижная «конструкция» элементов. Вариабельность структурная влечет за собой и вариабельность семантическую: по Р. Барту «задача видится не в том, чтобы зарегистрировать некую устойчивую структуру, а скорее в том, чтобы произвести подвижную структуризацию текста», прослеживая «пути смыслообразования»³⁵.

Согласно «Логике смысла» Ж. Делеза, абсурд есть «то, что существует без значения», но открывает возможность возникновения значения. Абсурд, нонсенс и парадокс противостоят, по Ж. Делезу, не смыслу как таковому, но смыслу, понятому в качестве окончательного, не допускающего дальнейшего варьирования и прироста. Нонсенс как лишенность смысла оборачивается тем, что «само по себе дарует смысл». И если своим сиюминутным следствием нонсенс разрушает казавшийся наличным смысл, то далеко идущий «смысл нонсенса» заключается, по Ж. Делезу, в открывающейся перспективе бесконечного смыслопорождения³⁶.

Таким образом, процессуальность текста интерпретируется постмодернизмом как принципиально нелинейная: как пишет Ж. Деррида, «однолинейный текст, точечная позиция, операция, подписанная одним единственным автором, по определению, не способны»³⁷, т. е. не креативны. Р. Барт непосредственно использует термины, как «нелинейное письмо», «многомерное письмо», «многолинейность означающих»³⁸. Согласно его модели «текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл (“сообщение” Автора-Бога), но многомерное пространство», – метафорой текста становится в постмодернизме не линейный вектор, но «сеть»³⁹.

И если критерием «сложности» выступает для синергетики имманентный потенциал системы к самоорганизации, то и для постмодернизма характерна ориентация на понимание своего предмета как обладающего самоорганизационным потенциалом, т. е. как сложного: типична оценка Ю. М. Лотманом текста как «интеллектуального устройства», которое «не только передает вложенную в него извне информацию, но и трансформирует сообщения и вырабатывает новые», обнаруживая «самовозрастающий логос»⁴⁰.

Рассмотрение постмодернистской трактовки феномена смыслопорождения позволяет зафиксировать следующие моменты изоморфизма постмодернистского и синергетического подходов к предмету:

1) постмодернистское понимание текста как принципиально нестабильной и хаотизированной (включая ситуации «достигнутого хаоса») среды может быть рассмотрено как аналог синергетической установки на анализ неравновесных сред;

2) бытие текста трактуется как процессуальная самоорганизация исходно аструктурной, децентрированной и асемантической среды, чей креативный потенциал реализуется помимо усилий внеязыкового субъекта (фигура «смерти Автора»);

3) бытие текста мыслится как процессуальность осцилляций между плюральными версиями означивания и фазами хаотизирующих текстовую среду деструкций значения, что соответствует трактовке ритма упорядочивания среды в синергетике.

 Феномен нелинейности: сущность и бифуркационный механизм реализации

 «Слова-бумажники»: бифуркационная природа семиозиса в постмодернистских аналитиках

Поливариантность самоорганизационных процессов обуславливает такое свойство исследуемых синергетикой систем, как их нелинейность. Если в равновесном состоянии для соответствующей системы возможен лишь один вариант эволюционного движения, предполагающий, что состояние системы в момент времени T_n обусловлено ее состоянием в момент времени T_{n-1} и, в свою очередь, обуславливает состояние T_{n+1} (и потому перспективы эволюции вполне прогнозируемы). В целом описанные линейными уравнениями процессы А. Баблянца характеризует как процессы, при которых «все дальнейшие возможности и изменения устраняются»⁴¹.

В качестве важнейшего момента нелинейных динамик выступает поливариантность протекания процессов, предполагающая наличие не только различных форм самоорганизации системы, но и эволюционных альтернатив.

Важно, что исследуемые синергетикой возможности альтернативных версий развития, обеспечивающие онтологический плюрализм универсума, не даны изначально, но возникают в ходе процесса эволюции системы: как пишут Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов, «парадоксально, но в одной и той же среде без изменения ее параметров могут возникнуть разные структуры... разные пути ее эволюции... Причем это происходит... не при изменении констант среды, а как результат саморазвития процессов в ней», – таким образом, эволюционный процесс предстает в синергетике как своего рода «блуждание по полю путей развития»⁴².

Фундаментальным механизмом, реализующим нелинейность развития, выступает в синергетике бифуркация. При удалении от равновесия система достигает порога устойчивости, за которым для нее открывается несколько (более одной) возможных ветвей развития. Таким образом, бифуркационный переход – это объективация (выбор системой) одного из вариантов развития.

В этой ситуации любая попытка формулировки невероятностного прогноза, ориентированного на теоретическое моделирование будущих состояний системы исходя из данных о настоящем ее состоянии (прогноз «от наличного»), рассматривается синергетикой как некорректная. Соответственно этому для синергетики свойственно рассматривать самоорганизующуюся систему как вероятностный по своей природе объект, т. е. «облако точек», соответствующих различным динамическим состояниям, совместимым с имеющейся информацией о ней.

Феномен бифуркационного ветвления эволюционных траекторий системы выступает одним из наиболее глубоких и наглядных моментов конгруэнтности, выявленных в синергетике и постмодернизме механизмов самоорганизации. Фигура ветвления, как и в синергетике, обретает в постмодернизме фундаментальный статус («сеть» и «ветвящиеся расширения» ризомы у Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «решетка» и «перекрестки бесконечности» у М. Фуко, смысловые перекрестки «выбора» у Р. Барта, «перекресток», «хиазм» и «развилка» у Ж. Деррида, «лабиринт» у У. Эко и Ж. Делеза и т. п.).

Важнейшим источником формирования постмодернистской модели бифуркационного процесса выступает осмысление Х. Л. Борхесом пространства событийности как «сада расходящихся тропок», моделирующее фактически бифуркационный механизм разворачивания сюжета: «Фан владеет тайной; к нему стучится неизвестный; Фан решает его убить. Есть, видимо, несколько вероятных исходов: Фан может убить незваного гостя; гость может убить Фана; оба могут уцелеть; оба могут погибнуть, и так далее. ...В книге Цюй Пэна реализуются все эти исходы, и каждый из них дает

начало новым развилкам»⁴³. Последовательное нанизывание бифуркационных ситуаций, каждая из которых разрешается у Х. Л. Борхеса принципиально случайным образом, задает вероятностный мир с непредсказуемыми вариантами будущего (аналог каскада бифуркаций в синергетике): «вечно разветвляясь, время идет к неисчислимым вариантам будущего»⁴⁴.

В противоположность «бинарной логике» Ж. Деррида конституирует «паралогика», «металогика», логику «сверхколебания», которая «превышает полярность»⁴⁵.

Смыслопорождение предполагает наличие особых точек семантического ветвления, т. е. версификации означивания, которые функционально изоморфны узлам бифуркационного веера: как пишет Р. Барт, «означающие могут неограниченно играть... производить несколько смыслов с помощью одного и того же слова»⁴⁶. Ж. Делез также отмечает, что смыслопорождение «двунаправлено», т. е. «задает путь, по которому смысл следует и который он заставляет ветвиться»⁴⁷. Разрешение бифуркационного выбора, т. е. механизм предпочтения того или иного варианта означивания, основаны на фундаментально случайных моментах. М. Фуко пишет о «случайности дискурса»⁴⁸, Т. Д'ан фиксирует соскальзывание смысла «с уровня коллективного и объективного»: он оказывается продуктом случайных вариаций перцепции и дискурса⁴⁹.

В текстологической концепции постмодернизма моделируется бифуркационный по своей природе механизм смыслообразования. Так, Р. Барт, двигаясь в парадигме понимания смысла как результата означивания, полагает, что «важно показать отправные точки смыслообразования, а не его окончательные результаты». Эти «отправные точки» выступают своего рода «пунктами двусмысленности» или «двузначностями» текста, «в каждой узловой точке повествовательной синтагмы ... говорится: если ты поступишь так-то, если ты выберешь такую-то из возможностей, то вот это с тобой случится». Процессуальность данного выбора, по Р. Барту, разворачивается в режиме, который может быть оценен как аналогичный автокатализу: достаточно избрать ту или иную подсказку, как конституируемая ей версия прочтения текста оказывается уже необратимой: «чтобы произвести смысл, человеку оказывается достаточно осуществить выбор»⁵⁰.

В ситуации семиотической гетерогенности текста это задает своего рода фигуру вторичной бифуркации. Согласно Р. Барту, текст, реализующий себя одновременно во множестве различных культурных кодов, принципиально нестабилен, ибо каждая фраза может относиться к любому коду. Иначе говоря, исходным состоянием текста выступают потенциально возможные различные порядки (упорядочивания текста в конкретных кодах), избираемые из беспорядка всех всевозможных кодов (ср. «порядок из хаоса» у И. Пригожина и И. Стенгерс). Для текста, таким образом, характерна неконстантная «плавающая микроструктура», итогом которой является «не логический предмет, а ожидание и разрешение ожидания». Это «ожидание» (или «напряженность текста» как анализ синергетической нестабильности) порождается тем обстоятельством, что «одна и та же фраза очень часто отсылает к двум одновременно действующим кодам, притом невозможно решить, какой из них «истинный». Отсутствие «правильного» кода делает различные типы кодирования текста равновозможными, моделируя для читателя ситуацию «неразрешимого выбора между кодами»⁵¹.

Исследуя процессы смыслообразования, Ж. Делез фокусирует внимание на особых («эзотерических») словах – «двусмысленных знаках», которые он называет «словами-бумажниками». С одной стороны, эти слова являются «синтетическими», т. е. составлены из семантически узнаваемых сколов нескольких (как правило двух) других слов. Классическим примером является кэрроловский Снарк: Snark как контаминация shark (акула) и snake (змея); аналогичны (в русскоязычной кальке), «злопасный», «шарьки», «хрюкотать», «зелюки», «грызущий», «прыжествуя» и т. п. Однако «эзотерическое слово с простой функцией сокращения (слов) внутри единичной серии (вашство) словом-бумажником не является». Принципиальное отличие в том, что «вашство» (y'reince) как сокращенное «Ваше Высочество» (Your Royal Highness) подразумевает возможность единственного прочтения, в то время как за «словом-бумажником» стоит не только синтез, но и, обязательно, дизъюнкция, причем дизъюнкция исключаящая. Ж. Делез формулирует «общий закон слова-бумажника, согласно которому мы всякий раз извлекаем из такого слова скрытую дизъюнкцию»⁵².

«Слова-бумажники», по Ж. Делезу, «основаны на строго дизъюнктивном синтезе»: в зависимости от того, как будет прочитано это слово, может распахнуться, подобно отделению бумажника, та или иная серия текстовой семантики, т. е. одна из возможных версий прочтения. Ж. Делез анализирует под этим углом зрения ситуацию, моделируемую Л. Кэрролом: на вопрос «Кто король?» Шеллоу, выбирающий между Ричардом и Уильямом, отвечает «Рильям». Именно посредством «слова-бумажника»,

по оценке Ж. Делеза, «каждая “вещь” раскрывается навстречу бесконечным предикатам, через которые она проходит, утрачивая свой центр – то есть свою самотождественность». На этой основе оформляются соответствующие «серии смысла»: «сущности множатся и делятся; все они – плод дизъюнктивного синтеза»⁵³. Таким образом, «функция слова-бумажника всегда состоит в ветвлении той серии, в которую оно вставлено», и «именно функция разветвления и дизъюнктивный синтез дают подлинное определение слову-бумажнику»⁵⁴.

Аналогичную модель бифуркационного механизма смыслообразования предлагает М. Бютор. Введенное им понятие слова-«переключателя» в системе его терминологии означает фактически то же, что и «слово-бумажник» в концепции Ж. Делеза: «каждое из этих слов может действовать как переключатель. Мы можем двигаться от одного слова к другому множеством путей. Отсюда – идея книги, повествующей не просто одну историю, а целый океан историй». В этом отношении «слова-бумажники» и слова-«переключатели» по своему значению в структуре текста выходят далеко за рамки обычных лексем, выступая «словами второй степени», имеющими для текста не только лексическое, но и квази-грамматическое значение. Наряду с характерными для лексем функциями они выполняют в конституировании текстовой семантики также функции бифуркационных узлов, «благодаря которым происходит разветвление сосуществующих серий»⁵⁵. (Не случайно художественная практика постмодерна демонстрирует широкую реальную распространенность «слов-бумажников» в текстах авторов постмодернистской ориентации, независимо от концептуальной искусственности последних: например, лексемы с указанной функцией зафиксированы у В. Ерофеева: «Шпиноза», «дюдюктивный» и многое другое).

Видение мира как принципиально плюрального и несущего в себе невозможные тенденции характерно и для внеконцептуальной ветви постмодернизма: идея лабиринта в основе романа У. Эко «Имя розы», фабульно двоящийся сюжет фильма П. Хьювэтта «Осторожно! Двери закрываются», построенный на идее бифуркационной точки судьбы (Великобритания, 1998) и др.

В рамках такого подхода равно невозможны как конституирование финального смысла текста (онтологическая «неразрешимость» последнего, по Р. Барту), так и предвидение той версии означивания, которая будет актуализирована в том или ином случае (гносеологическая «неразрешимость» текста). Непредсказуемость процедур означивания связывается с автохтонными аспектами бытия текста, подобно тому, как непредсказуемость процедур самоорганизации хаотической среды интерпретируется синергетикой в качестве атрибутивной характеристики процесса, не связываясь с недостаточностью когнитивных средств субъекта. Так, Р. Барт пишет: «неразрешимость – это не слабость, а структурное условие повествования: высказывание не может быть детерминировано одним голосом, одним смыслом – в высказывании присутствуют многие коды, многие голоса, и ни одному из них не отдано предпочтение. ...Рождается некий объем индетерминаций или сверхдетерминаций: этот объем и есть означивание»⁵⁶.

Вышеизложенное позволяет констатировать фундированность постмодернистской аналитики нелинейных динамик идеей механизма, по своей сути бифуркационного:

1) процесс смыслопорождения мыслится в качестве нелинейного, что предполагает бифуркационную версификацию («ветвление», «выбор») процедур означивания;

2) постмодернизм фиксирует наличие выделенных точек, задающих, подобно точкам бифуркации в синергетике, взаимоисключающие версии эволюции системы (семантической динамики текста): слова-«переключатели» у М. Бютора, «отправные точки смысла» у Р. Барта, «пункты расхождения серий» и «слова-бумажники» у Ж. Делеза;

3) бифуркационная ситуация в постмодернизме непосредственно связана с феноменом нестабильности, причем связь эта, как и в синергетике, мыслится в качестве двоякой: с одной стороны, бифуркационная ситуация порождена имманентной нестабильностью системы («напряженность текста» у Р. Барта, «нонсенс поверхности» у Ж. Делеза и т. п.), с другой – сама, в свою очередь, порождает нестабильность («текстовое ожидание» как «неразрешимость выбора» между кодами у Р. Барта и др.), что чревато новыми бифуркационными ветвлениями, порождая ситуацию, аналогичную синергетическим «каскадам бифуркаций»;

4) процессуальность разрешения бифуркационного выбора моделируется постмодернизмом в режиме, который может быть оценен как аналогичный автокаталитическому (выбор распаиваемой пазухи «слова-бумажника» у Ж. Делеза или выбор «кода» интерпретации текста у Р. Барта необратимо определяют избираемую версию смыслообразования);

5) основанный на бифуркационном ветвлении семантический плюрализм объективно не допускает возможности однозначного (невероятностного) прогнозирования

будущих семантических состояний текстовой среды («неразрешимость текста»), что изоморфно воспроизводит соответствующую когнитивную установку синергетики; и синергетика, и постмодернизм связывают непредсказуемость исследуемых процессов не с недостаточностью когнитивных возможностей субъекта, но с онтологическими свойствами среды.

 Флуктуационные динамики в синергетике и принцип «усиления флуктуации»

 Игровая модель универсума в постмодернизме: фундаментальный статус случайной флуктуации

Если в рамках линейной парадигмы случайные факторы интерпретировались в качестве внешних и несущественных помех осуществления доминантного вектора эволюции, которыми при анализе можно было пренебречь, то в рамках анализа нелинейных систем именно случайные флуктуации, понятые в качестве имманентных по отношению к системе, оказываются одним из решающих факторов эволюции. В целом жесткая оппозиция необходимости и случайности теряет свой смысл: в зависимости от контекста значимые элементы могут превратиться в незначимые, случайные – в фундаментальные для эволюции системы.

В равновесных состояниях действие второго начала термодинамики нейтрализует действие флуктуаций, неизменно заставляя систему возвращаться к исходному (стационарному) состоянию. Собственно, устойчивым состоянием системы Г. Николлис и И. Пригожин и называют такое «состояние, когда... действующие... возмущения затухают во времени», «не оставляя следов в системе»⁵⁷; Г. Хакен описывает эту ситуацию в терминах «принципа подчинения параметру порядка»⁵⁸; И. Пригожин и И. Стенгерс – в терминах «невосприимчивости системы к флуктуациям»⁵⁹.

Однако при подходе системы «вплотную к точкам бифуркации» ситуация меняется радикальным образом: с одной стороны, вблизи бифуркационной точки, сильно неравновесная система оказывается особо чувствительной и к незначительным флуктуациям («возмущениям») того или иного параметра процесса, с другой – флуктуации становятся аномально сильными и закон больших чисел нарушается. Это приводит к тому, что принцип подчинения параметру порядка перестает выполняться: система «колеблется» перед выбором из возможных путей развития, – в этом случае, как пишут И. Пригожин и И. Стенгерс, «небольшая флуктуация может послужить началом эволюции в совершенно новом направлении, которое резко изменит все поведение макроскопической системы»⁶⁰. Таким образом, малое возмущение в системе, находящейся вблизи бифуркационной точки, может привести к возникновению нового организационного порядка системы, – подобный феномен фиксируется в синергетике понятием «порядок через флуктуацию».

Отвечая на вопрос, каков механизм «выбора» системой того или иного пути развития из веера возможных, синергетика постулирует фундаментальный статус в этом процессе феномена случайности: «по какому пути пойдет дальнейшее развитие системы после того, как она достигнет точки бифуркации? ...В этом выборе неизбежно присутствует элемент случайности... Перед нами – случайные явления, аналогичные бросанию игральной кости»⁶¹.

Принципиально важно в рамках синергетической парадигмы то, что феномен флуктуации играет в процессах самоорганизации двоякую роль. Флуктуация инспирирует этот процесс, приводя систему в состояние неустойчивости: по словам И. Пригожина и И. Стенгерс, «существование неустойчивости можно рассматривать как результат флуктуации»⁶². Однако флуктуация содержательно определяет результат самоорганизационного изменения системы. Последнее обеспечивается за счет того, что в неравновесных процессах имеет место феномен «усиления флуктуации» или, как обозначен данный феномен в российской школе синергетических исследований, «разрастание малого»⁶³.

Вместе с тем процессы самоорганизации отнюдь не выступают с синергетической парадигме как индетерминистские: мир «порядка через флуктуацию» не подчиняется законам линейной причинности, однако мир этот не произволен, подчиняясь закономерности более высокого порядка.

Парадигмальные основания постмодернизма аналогичным образом задают выраженную установку на аналитику аутодетерминационных процессов и фокусировку внимания на феномене случайности.

Так, например, «смущение» у Ю. Кристевой обеспечивает неоднозначность и, следовательно, движение смысла посредством бифуркационного «расщепления» смысловых потоков семиотической среды⁶⁴.

Постмодернизм моделирует механизм процессуальности как принципиально игровой. Именно бросок жребия (костей) становится центральной постмодернистской метафорой, фиксирующей феномен случайной флуктуации – от постулирования «воли к удаче» у Ж. Батая до понимания письма в качестве «абсолютно авантюрного... дела удаче, не техники» у Ж. Деррида⁶⁵.

Важнейшее место в разработке проблематики случайной флуктуации занимает в постмодернизме предложенная М. Фуко методологическая парадигма исследования дискурса. Классическая культура, по оценке М. Фуко, жестко ограничивает креативный потенциал последнего, и эти ограничения в первую очередь направлены против возможности случайности. По мысли М. Фуко, «комментарий предотвращает случайность дискурса тем, что принимает ее в расчет: он позволяет высказать нечто иное, чем сам комментируемый текст, но лишь при условии, что будет сказан и в некотором роде осуществлен сам этот текст»⁶⁶. Классический дискурс замкнут на себя, пресекая возможность семантической новизны.

В отличие от классической традиции современная культура, по мысли М. Фуко, стоит перед задачей «вернуть дискурсу его характер события», т. е. освободить дискурсивные практики от культурных ограничений, пресекающих возможность новизны (событийности) мысли, связанной со случайным (не заданным исходными правилами) результатом. Рассматривая «событие» фактически как флуктуацию в поле дискурса, М. Фуко пишет, что в сфере исследования дискурсивных практик «более уже невозможно устанавливать связи механической причинности или идеальной необходимости. Нужно согласиться на то, чтобы ввести непредсказуемую случайность в качестве категории при рассмотрении продуцирования событий». М. Фуко разрабатывает для аналитики дискурса категориальный аппарат, эксплицитно вводящий понятие случая в число базисных понятийных структур новой дискурсивной аналитики: по М. Фуко, «фундаментальные понятия, которые сейчас настоятельно необходимы, – это... понятия события и серии с игрой сопряженных с ними понятий: регулярность, непредвиденная случайность, прерывность, зависимость, трансформация». Остро ощущая отсутствие в гуманитарной сфере «теории, которая позволила бы мыслить отношения между случаем и мыслью», М. Фуко делает значительный шаг в создании такой концепции, рефлексивно фиксируя главное его содержание как введение в гуманитарное познание идеи случайности: «если задаешься целью осуществить в истории идей самый маленький сдвиг... то, боюсь, в этом сдвиге приходится признать что-то вроде этакой маленькой... машинки, позволяющей ввести в самое основание мысли случай, прерывность...»⁶⁷

Можно заключить, что феномен случайности («вдруг»-событие, «смущение» и др.) играет в постмодернистской философии языка ту же роль, что и феномен случайной флуктуации в синергетике:

- 1) именно случайный феномен выступает спусковым крючком процессов самоорганизации неравновесных хаотических сред (как текстовой, так и дискурсивной);
- 2) именно случайное событие, аналогичное игровому выбросу костей, становится инициатором бифуркационного процесса, разветвляя семантические серии текста;
- 3) именно случайный феномен выступает финальной детерминантой актуализации той или иной из семантических возможностей текстовой среды.

Диссипативные структуры в синергетике: проблема онтологического статуса

Модельные аналоги диссипативных структур в философии постмодернизма

Результатом описываемых синергетикой процессов выступают диссипативные (имеется в виду диссипация, т. е. рассеяние энергии) структуры как форма самоорганизации системы.

Если для классической (равновесной) термодинамики типичен теоретический конструкт равновесной структуры (типа «кристаллической решетки»), то для термодинамики современной (неравновесной) базовым теоретическим конструктом является «диссипативная структура»: как пишут И. Пригожин и И. Стенгерс, «мы ввели новое понятие – диссипативная структура, чтобы подчеркнуть тесную и на первый взгляд парадоксальную взаимосвязь, существующую... с одной стороны, между структурой и порядком, а с другой – между диссипацией, или потерями... В классической термодинамике тепловой поток считался источником потерь. В ячейке Бенара тепловой поток становится источником порядка»⁶⁸. Таким образом, сам термин «диссипативные структуры» подчеркивает конструктивную роль процессов диссипации в их образовании, фиксируемую также фундаментальным для синергетики тезисом «порядок из хаоса».

Диссипативные структуры, согласно синергетической концепции, характеризуются следующими особенностями:

- 1) возникают при неравновесном состоянии системы как продукт ее самоорганизации;
- 2) в своем возникновении инспирированы случайной флуктуацией того или иного параметра развития системы;
- 3) принципиально открыты, т. е. формируются только при условии постоянного энергообмена самоорганизующейся системы с внешней средой;
- 4) в основе их образования лежит механизм обратных связей, предполагающих осуществление как автокаталитических, так и кросс-каталитических процессов;
- 5) они реализуют кооперативные взаимодействия на микроуровне, и именно от последних зависят макроскопические свойства диссипативных структур, не редуцируемые, однако, к свойствам их элементов;
- 6) диссипативные структуры не являются инвариантными относительно времени, а процесс их формирования характеризуется необратимостью к его течению;
- 7) адекватное описание диссипативных структур возможно лишь посредством нелинейных уравнений.

Исходя из этого, синергетика утверждает, что, в отличие от консервативных структур, диссипативные структуры представляют собой процесс, самоопределенность которого обусловлена его перманентной подвижностью: по оценке Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова, «структура – это локализованный в определенных участках среды процесс... Организация есть... блуждающее в среде пятно процесса»⁶⁹.

Постмодернистская концепция предполагает аналогичную трактовку результата самоорганизационных процессов. В качестве таких результирующих состояний в постмодернистской текстологии выступают: плато ризомы (Ж. Делез, Ф. Гваттари); плюралистические версии означивания текста (Р. Барт), фенотекст по отношению к генотексту (Ю. Кристева), варианты текстовой центрации (Ж. Деррида); коммуникативные акты в языковой динамике (К.-О. Апель) и т. п. Эти результирующие состояния самоорганизации демонстрируют свойства, во многом совпадающие со свойствами диссипативных структур синергетики.

Наиболее общей моделью подобной структуры выступает предложенный в контексте номадологического проекта постмодернизма концепт «плато». Ж. Делез и Ф. Гваттари определяют «плато» как «протяженное силовое поле, которое вибрирует и развивается, уклоняясь от всякой направленности на точки кульминации или внешние цели»⁷⁰. Бытие аструктурной «ризомы» может быть описано не в терминах структурных уровней как константной организации, но именно в терминах «плато» как возникающих в ходе смещения друг относительно друга микроэлементов исследуемой среды – «сингулярностей» или «интенсивностей». (Последние лишь метафорически фиксируются Ж. Делезом и Ф. Гваттари, усматриваемыми в сменяющих друг друга конфигурациях ризомы не жесткие линии внутренних расчленений, но «колонны маленьких муравьев, покидающих одно плато, чтобы занять другое... Каждое плато может быть прочитано в любом месте и соотнесено с любым другим»⁷¹).

Зафиксированный постмодернизмом набор условий, необходимых и достаточных для формирования плато и их аналогов, изоморфен зафиксированному синергетикой набору условий, необходимых для оформления диссипативных структур. Прежде всего следует отметить фундированность постмодернистского видения мира особым принципом, который Д. В. Фоккема называет принципом «максимальной энтропии»⁷², что соответствует синергетическому пониманию диссипативных структур как обусловленных в своем возникновении энтропийными процессами. Аналогичная презумпция лежит и в основе генеалогии М. Фуко: «сила... реагирует на свое утомление, черпая из него... свою мощь»⁷³.

Наличная конфигурация семантики (предметности) выступает, подобно диссипативной структуре синергетики, в качестве макроскопической пространственной организации объекта, что делает возможной его топографическую «картографию»⁷⁴. И если синергетическая система осциллирует между интенсивными и неинтенсивными фазами своей динамики, что предполагает взаимный переход между состояниями хаоса и макроструктурированности, то и философией постмодернизма структуры мыслятся в качестве сохраняющих, по оценке Ж. Делеза, свое актуальное бытие «лишь до тех пор, пока продолжается движение волны (имманентной нестабильности. – М. М.) и действие силы»; когда же действие последних прекратилось, сложившаяся картина «трогается с места», сменяясь иной, столь же недолговечной»⁷⁵.

Применительно к текстологической ветви постмодернизма можно зафиксировать различные модельные аналоги диссипативных структур. Так, по Р. Барту, «текст» как предмет постмодернистской аналитики отличается от традиционно понятого «произведения» именно тем, что «произведение есть вещественный фрагмент, занимающий определенную часть книжного пространства... а текст – поле методологических операций. ...Текст не может неподвижно застыть... он по природе своей должен сквозь что-то двигаться – например, сквозь произведение, сквозь ряд произведений». Таким образом, текст находится в перманентном движении как процессе семантической самоорганизации, которая не может быть сведена к разворачиванию «исходного» смысла: «форма существования смысла... не разворачивание, а взрыв». Логика текста – это не логика понимания (экспликации наличного смысла), но логика метонимии, предполагающая семиотическое движение и генерацию смысла как результат самоорганизации текста. В гештальтном отношении постмодернистски понятый текст не предполагает финально определенной структуры, но лишь структурность как предполагающую различные версии структурирования: «текст возвращается в лоно языка: как и в языке, в нем есть структура, но нет объединяющего центра, нет закрытости»⁷⁶.

Такой вариант письма оказывается бесконечно продуктивным в отношении семантики: по Р. Барту, «в многомерном письме... структуру можно проследить, “протягивать” ...во всех ее повторях и на всех ее уровнях, однако невозможно достичь дна»⁷⁷. Как было сформулировано В. Лейчем, каждая новая центрация текста в рамках деконструктивистской процедуры становится «деятельностью по порождению смысла»⁷⁸; как формулирует Р. Барт, любое «прочтение текста – акт одноразовый»⁷⁹. Препрежний смысл как результат прошлых актов означивания отменяется новым, – подобно тому как диссипативные структуры самоорганизующейся среды сменяют друг друга в пульсационном режиме: «смысл текста заключается не в той или иной из его “интерпретаций”, но в диаграмматической совокупности его прочтений, в их множественной системе»⁸⁰.

Кроме того, организация текста при том или ином варианте его «кодирования» выстраивается вокруг определенных семантических центров, выступающих в функции, аналогичной функции синергетических «узлов» или «центров нуклеации». Так, по Р. Барту, текст – это «пространство, где свободно вспыхивают языковые огни, мерцающие зарницы, то тут, то там взметающиеся всполохи, рассеянные по тексту, словно семена»⁸¹. Аналогично у Ж. Деррида «диссеминация» трактуется как рассеивание «сем», т. е. семантических признаков, зачатков смыслов, обладающих креативным потенциалом: *sema – semen*⁸².

В качестве диссипативной структуры может быть интерпретирован и «фенотекст» Ю. Кристевой. Если «генотекст» выступает аналогом самоорганизующейся среды, ибо «охватывает все семиотические процессы», то множасьщиеся «фенотексты» могут быть поставлены в соответствие преходящим диссипативным версиям его процессуальной (нонфинальной) самоорганизации: генотекст – «это процесс, протекающий сквозь зоны временных ограничений»⁸³. Строго говоря, «то, что мы называем означиванием, как раз и есть это безграничное и никогда не замкнутое порождение»⁸⁴. В ходе этой процессуальности генотекст переживает модификации, порождающие в каждом конкретном случае определенные структуры – фенотексты, которые сами по себе тоже могут рассматриваться в плане процессуальности своего бытия (в коммуникативном контексте, например).

Семантическое пространство, в пределах которого могут бесконечно множиться фено-тексты, определяется Ю. Кристевой как «семиотический диспозитив»: фактически понятие «семиотического диспозитива» играет ту же роль, что и понятие «поля вероятности» в синергетике, фиксируя область возможных состояний самоорганизующейся системы, которая ограничена экстенсивно, но интенсивно бесконечна, как содержательно неисчерпаем процесс означивания, порождения фенотекстов.

Что же касается механизма конституирования фенотекста, то так же, как и формирование синергетических макроструктур, «возникновение символического» предполагает центрацию становящегося фенотекста вокруг своего рода узлов центрации, т. е. того, что Ю. Кристева называет «ядрами смысла»⁸⁵.

Таким образом, моделируемая постмодернистской философией языка процессуальность самоорганизации текста трактует конкретные версии смыслопорождения аналогично синергетическим диссипативным структурам:

1) в качестве условий возможности формирования структур смысла постмодернизм выделяет практически те же условия, которые выделены синергетикой:

- неравновесное состояние системы («аффекта», «волны интенсивностей» и т. п.),
 - возникновение этих структур за счет «рассеяния» смысла, черпающего энергию из «саморазрушительных сил», подобно тому как диссипативные структуры в синергетических средах возникают за счет рассеивания (диссипации) энергии;
- 2) гештальтообразующую роль в формировании постмодернистских аналогов диссипативных структур играют узлы центрации смысла («языковые огни» у Р. Барта, «символические ядра» текста у Ю. Кристевой), аналогичные «точкам центрации» в синергетике;
- 3) формируясь в связи со случайными флуктуациями тех или иных параметров своего бытия, постмодернистские аналоги диссипативных структур, как и в синергетике, в свою очередь, чреватые новыми флуктуациями, приводящими к смене организационных форм системы (перманентная подвижность «плато» смысла; нефинальность любой версии означивания текста и т. п.);
- 4) формирование диссипативных структур рассматривается постмодернистской философией, как и синергетикой, в качестве пульсационного процесса, предполагающего как взаимопереходы хаотического и организованного состояний среды, так и последовательную смену одного варианта структурной организации другим;
- 5) подобно тому как синергетика фиксирует применительно к процессам самоорганизации наличие поля возможных состояний системы, так же и постмодернистские модели нелинейных динамик выделяют вероятностное поле (экстенсивно ограниченное, но бесконечное в интенсивном плане), в границах которого реализуется процесс варьирования структурной организации системы (например, статус «семиотического диспозитива» у Ю. Кристевой);
- 6) аналоги диссипативных структур в постмодернистской философии языка выступают, как и в синергетике, в качестве принципиально нефинальных: письмо как продуцирование смысла есть одновременно отрицание (выход за грань) этого продуцирования, неся в самом себе процесс стирания и аннулирования себя.

Кооперативные взаимодействия на микроуровне и макроорганизация в синергетических процессах

Феномен «коммуникации» языковых единиц в процедурах означивания

В основе исследуемых синергетикой явлений самоорганизации лежит феномен «кооперации» молекул: «в равновесном состоянии молекулы ведут себя независимо: каждая из них игнорирует остальные. Такие независимые частицы можно было бы назвать гипнонами (“сомнамбулами”). Каждая из них может быть сколь угодно сложной, но при этом “не замечать” присутствия остальных молекул. Переход в неравновесное состояние пробуждает гипноны и устанавливает когерентность, совершенно чуждую их поведению в равновесных условиях»⁸⁶.

В «Философии нестабильности» И. Пригожин отмечает, что «кажется, будто молекулы, находящиеся в разных областях раствора, могут каким-то образом общаться друг с другом. Во всяком случае, очевидно, что вдали от равновесия когерентность поведения молекул в огромной степени возрастает. В равновесии молекула “видит” только своих соседей и “общается” только с ними. Вдали же от равновесия каждая часть системы “видит” всю систему целиком. Можно сказать, что в равновесии материя слепа, а вне равновесия прозревает»⁸⁷.

Внутри же системы, находящейся в неравновесном состоянии, проявляются дальнедействующие корреляции, и система начинает вести себя как целое: по описанию И. Пригожина и И. Стенгерс, «частицы, находящиеся на макроскопических расстояниях друг от друга, перестают быть независимыми», – возникает своего рода «конвекция, соответствующая когерентному, т. е. согласованному движению ансамблей молекул»⁸⁸.

Возможность демонстрации когерентного поведения огромным числом частиц выступает для синергетики фундаментальным критерием сложности как таковой. Предложено Г. Хакеном название новой дисциплины – «синергетика» (от греч. *sinergeia* – совместное действие) – инспирировано именно тем обстоятельством, что в основе исследуемых этой дисциплиной феноменов самоорганизации лежит, по определению Г. Хакена, «совместное действие многих подсистем... в результате которого на макроскопическом уровне возникает структура и соответствующее функционирование»⁸⁹.

Таким образом, фундаментальным механизмом, обеспечивающим возникновение сложности, в синергетике выступает когерентное поведение микрочастиц, «кооперация молекул». В философии постмодернизма можно констатировать поворот к ос-

мыслению сложности как основанной на «коммуникации» элементов, составляющих микроуровень исследуемых систем. И если для синергетики «ни один элемент природы не является перманентной основой изменяющихся отношений», но «обретает тождество из своих отношений с другими элементами»⁹⁰, то и в постмодернизме «каждая “вещь” раскрывается навстречу бесконечным предикатам, через которые она проходит, утрачивая свой центр – то есть свою самоидентичность. На смену исключению предикатов приходит коммуникация событий»⁹¹.

Постмодернизм формулирует созвучную синергетике идею о зависимости макросмысла текста от кооперативных процессов на уровне микроэлементов: так, по Р. Барту, «текст... распространяется... в результате комбинирования и систематической организации элементов»⁹², – само создание текста выступает как инспирирование различных конфигураций их согласования: скриптор может «только смешивать разные виды письма, сталкивая их друг с другом», и итогом его работы является не что иное, как определенная конфигурация «готовых элементов»⁹³.

Данная установка наглядно проявляет себя и в деконструктивизме. Согласно концепции Ж. Деррида, феномен «следа» может быть рассмотрен именно в контексте кооперативного взаимодействия (коммуникации) означающих: «ни один элемент не может функционировать как знак, не отсылая к какому-то другому элементу... Благодаря такой сцепленности каждый “элемент”... конституируется на основе отпечатывающегося на нем следа других элементов цепочки или системы»⁹⁴. В этом контексте «спящий», по выражению Ж. Деррида, смысл лексем (ср. с «гипнонами» или «сомнамбулами» И. Пригожина) фиксируется как неэксPLICITный смысл, сохраненный в тексте как отзвук предшествующих и параллельных во времени текстов, но ускользающий от читателя (во всяком случае, «наивного читателя»), а подчас – и от автора («автоматическая цитация» в интертекстуальном контексте). На примере самого термина «деконструкция» Ж. Деррида выявляет механизм возникновения явленного макрозначения вербальной единицы на основании процесса, который может быть оценен как кооперативный: «слово “деконструкция”, как и всякое другое, черпает свою значимость лишь в своей записи в цепочку его возможных субститутов... оно представляет интерес лишь в известном контексте, в котором оно замещает или позволяет себя определить стольким другим словам... По определению, этот список не может быть закрытым»⁹⁵.

Возникающие в ходе семантической игры смыслопорождения диссипативные варианты прочтения текста мыслятся в философии постмодернизма как центрирующиеся вокруг определенных узлов смыслообразования, аналогичных узлам центрации в синергетике. Так, Ж. Деррида выделяет особые понятия и слова, имеющие «статус настоятельности», – «слова и понятия эти не атомы, но скорее средоточия экономического уплотнения... бурлящие плавильные тигли... они размножаются цепочкой по всей практической и теоретической совокупности текста каждый раз по-разному»⁹⁶. Ту же функциональную нагрузку несет понятие кода у Р. Барта. Понимая текст не в парадигме константной структуры, но в парадигме процессуальной и вариативной «структуриации», Р. Барт определяет роль кодов в данном процессе как ведущих центров структуриации: «коды важны для нас как отправные точки... как трамплины»⁹⁷. Практически в том же русле Ю. Кристева выделяет в процедуре означивания особые «точки» – точки «затмения смысла», где его утрата (текстовой хаос) оказывается чревата новой семантикой⁹⁸.

В итоге постмодернизм конституирует языковую среду как «Единогласие Бытия», зиждущееся на фундаменте кооперированных между собой сингулярностей: как пишет Ж. Делез, «чистое событие, коммуницирующее со всеми другими событиями и возвращающееся к себе через все другие события и со всеми другими событиями»⁹⁹.

На основании сравнительного анализа может быть зафиксировано, что:

1) текстологические аналитики постмодернизма, подобно концептуальным моделям синергетики, демонстрируют интенцию на объяснение процессов самоорганизации среды посредством механизма кооперации сингулярных элементов этой среды на ее микроуровне (семантические единицы текста у Ж. Деррида и Р. Барта);

2) исходным условием кооперативных процессов на микроуровне системы выступает в постмодернизме атрибутивная нестабильность последней, аналогичная фиксируемой в синергетике неравновесности («интенсивность» событийной среды у Ж. Делеза, аффект «суверенного момента» у Ж. Батая и т. п.);

3) если внеконтекстный смысл семемы оценивается постмодернизмом как «спящий» (что терминологически совпадает с синергетической оценкой некооперированной молекулы как «гипнона»), то в ходе кооперации («коммуникации») сингулярности, подобно молекулам в синергетике, устанавливают между собою отношения, задающие

их качественно определенный статус друг по отношению к другу (соотношение слов в контексте как обретающих статус причин и следствий);

4) важнейшая роль в кооперативных процессах отводится постмодернизмом специальным узлам кооперации, аналогичным по своим функциям пейсмейкерам в синергетике: слова со «статусом настоятельности» у Ж. Деррида, «отправные точки» и «трамплины» кодов у Р. Барта, точки «затмения смысла» у Ю. Кристевой, «узлы» и «центры индивидуации» у Ж. Делеза и т. п.

 Принципиальная незамкнутость синергетических сред: самоорганизация как адаптация к внешним факторам

 Феномен интертекстуальности: роль «внешней» культурной среды в процедурах текстовой самоорганизации

Согласно синергетическому видению неравновесной динамики необходимым условием самоорганизации неравновесной системы является ее незамкнутость, открытость по отношению к окружающей среде. Применительно к неравновесным средам справедливо утверждение, что каждая точка такой среды является источником и стоком энергии, т. е. система осуществляет постоянный и взаимный энергообмен с внешней по отношению к ней средой: неравновесные состояния, по оценке Г. Николиса и И. Пригожина, «связаны с неисчезающими потоками между системой и внешней средой»¹⁰⁰. В этом отношении синергетическая парадигма демонстрирует снятие альтернативы между внутренним и внешним, фиксируя отсутствие непроницаемых границ между системой и средой. Более того, в неравновесных условиях система начинает реагировать на факторы, которые в равновесном ее состоянии выступают по отношению к ней как индифферентные (например, в сильно неравновесных условиях химические реакции оказываются восприимчивыми к фактору гравитации).

На основании этого синергетика делает фундаментальное обобщение: «в сильно неравновесных условиях достоверно установлено весьма важное и неожиданное свойство материи: впредь физика с полным основанием может описывать структуры как формы адаптации системы к внешним условиям»¹⁰¹.

Аналогично и для постмодернизма взаимодействие текста со знаковым фоном выступает в качестве фундаментального условия смыслообразования. Это ярко демонстрируется концепцией интертекстуальности, в рамках которой, по Ю. Кристевой, «всякое слово (текст) есть... пересечение других слов (текстов)», «диалог различных видов письма»¹⁰². По оценке Р. Барта, «основу текста составляет... его выход в другие тексты, другие коды, другие знаки»¹⁰³.

Собственно, текст, как в процессе письма, так и в процессе чтения, «есть воплощение множества других текстов, бесконечных или, точнее, утраченных (утративших следы собственного происхождения) кодов»¹⁰⁴. Как пишет Р. Барт, «каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах... обрывки старых культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык»¹⁰⁵. Смысл возникает именно и только как результат связывания между собой этих семантических векторов, выводящих в широкий культурный контекст, выступающий по отношению к любому тексту как внешняя семиотическая среда.

Важнейший момент подобного синтетизма – интерпретация отношения к внешнему в качестве интериоризации. По формулировке Ж. Деррида, в той мере, «в какой уже имеет место текст», имеет место и «сетка текстуальных отсылок к другим текстам», т. е. «мнимая внутренность смысла уже сплошь проработана его же собственным внешним. Она всегда уже выносит себя вовне себя»¹⁰⁶.

Несмотря на расхожую фразу о том, что символом культуры постмодерна становятся кавычки, постмодернизм основан на презумпции отказа от жестко фиксированных границ между имманентным (внутренним) и заимствованным (внешним). В отличие от предшествующей традиции постмодерн ориентирован на подразумевающиеся (графически не заданные) кавычки. Как пишет Р. Барт, «текст... образуется из анонимных, неуловимых и вместе с тем уже читанных цитат – из цитат без кавычек»¹⁰⁷. Само их узнавание – процедура, требующая, по У. Эко, определенной культурной компетенции: цитата «будет понята лишь в том случае, если зритель догадывается о существовании кое-где кавычек. Отсутствующие в типографском смысле кавычки могут быть обнаружены лишь благодаря «внетекстовому знанию»»¹⁰⁸. Постмодернистская литература в связи с этим оценивается Ф. Джеймисоном как «паралитература», в рамках которой «материал более не цитируется... но вводится в саму... субстанцию

текста»¹⁰⁹. Цитата не выступает в качестве инородного по отношению к якобы наличному материковому тексту включения, но, напротив, исходно инородный текст («внешнее») становится имманентным компонентом («внутренним») данного текста. Интериоризируя внешнее, текст, собственно, и представляет собой не что иное, как результат этой интериоризации.

Таким образом, текст не может рассматриваться иначе, нежели в качестве включенного в перманентный процесс смыслообмена (ср. с синергетическим энергообменом) с широкой культурной средой, и именно в этом обмене реализует себя, по выражению Ю. Кристевой, «безличная продуктивность» текста¹¹⁰.

По Р. Барту, «прочтение Текста... сплошь соткано из цитат, отсылок, отзвуков; все это языки культуры... старые и новые, которые проходят сквозь текст и создают мощную стереофонию». В таком контексте текстовое значение в принципе не может быть воспринято как линейное: методология текстового анализа Р. Барта «требует, чтобы мы представляли себе текст как... переплетение разных голосов, многочисленных кодов, одновременно перепутанных и незавершенных. Повествование – это не плоскость, не таблица; повествование – это объем»¹¹¹.

Согласно М. Бютору, в сущности, «не существует индивидуального произведения. Произведение индивида представляет собой своего рода узелок, который образуется внутри культурной ткани и в лоно которой он чувствует себя не просто погруженным, но именно появившимся в нем». С точки зрения постмодернизма «текст существует лишь в силу межтекстовых отношений, в силу интертекстуальности»¹¹².

Смыслообразование, таким образом, выступает как процесс самоорганизации текста в условиях смыслообмена с культурным фоном, аналогичного энергообмену синергетической системы со средой:

1) постмодернизм фундирован радикальным отказом от традиционного противопоставления внутреннего и внешнего: смыслообмен интертекста с внетекстовыми культурными смыслами и метаязыковыми кодами выступает необходимым условием формирования макросемантики текста (как энергообмен системы со средой выступает необходимым условием формирования макроструктур в синергетике);

2) в рамках концепции интертекстуальности текст мыслится как обретающий «прошлое» («память»), что изоморфно соответствует синергетической интерпретации самоорганизующейся среды как обладающей «памятью» и «прошлым»; это имманентное включение темпоральности в постмодернистское видение предметности может быть оценено как аналог «переоткрытия времени» в синергетике.

Явление аттрактивных зависимостей в синергетике

«Динамики запроса» в постмодернизме: идея аттрактивных зависимостей

стей

При изучении процессов самоорганизации синергетикой было зафиксировано то обстоятельство, что среди возможных ветвей эволюции системы далеко не все вероятны, «что природа не индифферентна, что у нее есть “влечения” по отношению к некоторым состояниям». В связи с этим физика «диссипативных систем, производящих энтропию», называет «конечные состояния этих систем “аттракторами”»¹¹³.

В этом контексте важнейшим понятием синергетики, фиксирующим специфику диссипативных структур, выступает понятие аттрактора (от *лат.* *attractio* – притяжение). Аттрактор определяется как режим, к которому тяготеет система или как «устойчивый фокус, к которому сходятся все траектории динамики системы»¹¹⁴.

Указанное состояние, к которому эволюционирует система, выступает не только как могущая быть когнитивно зафиксированной перспектива ее развития, но и как реально действенный фактор данного процесса. Фактически аттрактор может быть рассмотрен в качестве фактора (параметра) порядка для системы, находящейся в процессе самоорганизации: «парадоксально, но будущее состояние системы... как бы притягивает ее, организует, формирует, изменяет наличное ее состояние»¹¹⁵.

Подобная акцентуация будущего типична и для постмодернизма. Фиксируя фундаментальную специфику современной культуры, Ж. Бодрийяр отмечает, что в ней «место божественного предопределения занимает столь же неотступное предшествующее моделирование»¹¹⁶; феномен «будущего в прошлом» обозначается Ж.-Ф. Литтаром в процессе ответа на вопрос: «Что такое постмодерн?»¹¹⁷. М. Эпштейн определяет постмодерн как «прафеномен», процессуальность разворачивания которого определена тем будущим, по отношению к которому он может быть рассмотрен как феномен «прото-» («мерцающая эстетика» постмодернизма как отголосок будущего)¹¹⁸.

Наиболее выпукло идея аттрактивных зависимостей проявляет себя в такой сфере постмодернистской философии, как нарратология. Ориентация на «повествовательные стратегии» в их плюральности оценивается как основополагающая для современной культуры (М. Постер, Д. В. Фоккема, Д. Хейман и др.). История как теоретическая дисциплина конституируется в качестве нарративной: рефлексия над прошлым – это всегда рассказ, организованный извне, посредством внесенной рассказчиком фабулы. В этом плане философия постмодернизма парадигмально изоморфна концепции нарративной истории (А. Тойнби, П. Рикер и др.), в рамках которой смысл события трактуется не как фундированный «онтологией» истории, но как возникающий в ходе рассказа о ней и имманентно связанный с интерпретацией.

Центральный момент указанной процедуры внесения фабулы в рассказ – финал, завершение повествования. Собственно, нарратор и выступает прежде всего как носитель знания о предстоящем финале истории, принципиально отличаясь от «героя» нарратива, который, находясь в центре событий, тем не менее лишен знания о их исходе.

Идея основополагающего значения финала для конституирования нарратива становится фундаментальной в рамках постмодернистской концепции истории (Дж. Каллер, А. Карр, Ф. Кермоуд и др.). Именно наличие определенного «завершения», изначально известного нарратору, создает своего рода поле тяготения, сводящее все сюжетные векторы к одному семантическому фокусу. В рамках подобной установки будущее (в качестве финала нарратива или, в терминологии Ф. Кермоуда, «завершения») фактически выступает функционально-семантическим аналогом аттрактора.

Поскольку нарратология как концепция рассказа может интерпретироваться не только в свете дисциплинарной истории, но и в свете текстологии (рассказ как вербальный акт), то идея аттрактивных зависимостей обнаруживает себя и в постмодернистской концепции текста. Уже И. Бродский в Нобелевской лекции в качестве кульминационного момента поэтического творчества фиксирует «момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее»¹¹⁹. По Р. Ингардену, если событийный хаос структурируется посредством внесения историком фабулы в аморфный материал, то центральным фактором этого процесса является знание историком финала¹²⁰. Процессуальность рассказа мыслится как разворачивающаяся в контексте фундаментальной детерминированности со стороны «последней» («кульминационной») фразы повествования, которая «пронизывает все то, что перед этим было представлено... накладывает на него отпечаток цельности»¹²¹.

Противопоставляя произведение как феномен классической традиции и «текст» как явление постмодернистское, Р. Барт пишет: «...произведение замкнуто, сводится к определенному означаемому. ...В Тексте, напротив, означаемое бесконечно откладывается на будущее»¹²². Говоря о современных типах сознания, Р. Барт отмечает, что для них характерна ориентация на будущее, в рамках которой смысл конституируется как влекомая асимптота: «динамика такого видения – это динамика запроса»¹²³.

Фактором «порядка» (упорядочивания) выступает в данном случае читатель, который репрезентирует «пространство, где запечатлеваются все... цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство не в происхождении своем, а в предназначении»¹²⁴. Именно «интертекстуальная энциклопедия» читателя может быть рассмотрена в качестве того аттрактора, к которому тяготеет интерпретация текста как процедура смыслообразования. Однако ни одному, даже самому «образцовому», читателю уловить все смыслы текста «было бы невозможно, поскольку текст бесконечно открыт в бесконечность»¹²⁵.

Бартовской модели «динамик запроса» весьма близка идея «отсрочки» Ж. Деррида, согласно которой, становление текстового смысла осуществляется «в упорядочивании концептов... продиктованных пока еще только предстоящей теоретической артикуляцией»¹²⁶. И если «переоткрытие времени» в синергетике связало настоящее состояние системы с ее «прошлым» и, соответственно, с «будущим», то и «движение означивания» моделируется постмодернизмом таким образом, что каждый «элемент», именуемый «наличным» и являющийся «на сцене настоящего», хранит в себе «отголосок, порожденный звучанием прошлого элемента» и в то же время разрушается «вибрацией собственного отношения к элементу будущего», – это означает, что данный «след», обнаруживая себя в настоящем, с равной долей правомерности может быть отнесен и к «так называемому прошлому», и к «так называемому будущему», которое оказывается реальной силой в настоящем¹²⁷.

Таким образом, идея аттрактивных зависимостей обнаруживает себя как в текстологической, так и во внетекстологической версиях философии постмодернизма:

1) постмодернистская философия постулирует феномен будущего («завершения» семантического ряда) в качестве источника семантической определенности («морфологии») текста, что изоморфно пониманию статуса аттрактора в синергетике;

2) постмодернизм определяет статус финала нарратива в качестве фундаментального фактора смыслообразования и фокуса притяжения практически всех «сюжетных» («фабульных») тем как в процедурах письма, так и в процедурах чтения, что позволяет интерпретировать семантику завершённого повествования в качестве аттрактора процесса смыслопорождения;

3) будущее (финал) нарратива, в поле притяжения которого попадает процессуальность наррации, выступает как упорядоченное и стабильное, что изоморфно синергетическому пониманию аттрактора в качестве стабильного состояния порядка;

4) роль читателя в процессе смыслообразования аналогична функции аттрактора в синергетических процессах: его культурная компетенция («интертекстуальная энциклопедия») задаёт вероятностное поле тяготения формирующегося смысла к определённым конфигурациям.

В целом, как позволяет заключить компаративный анализ, постмодернистская философия демонстрирует практически конгруэнтное совпадение ее парадигмальных оснований с соответствующими парадигмальными основаниями синергетической исследовательской матрицы в естествознании, что позволяет рассматривать ее как гуманитарный вектор общего перехода современной культуры к исследованию нелинейных процессов в нестабильных средах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ¹ Баблюяц А. Молекулы, динамика и жизнь. Введение в самоорганизацию материи. М., 1990. С. 21.
- ² Николис Г., Пригожин И. Познание сложного. М., 1990. С. 14.
- ³ Там же. С. 12.
- ⁴ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 357.
- ⁵ Тоффлер О. Наука и изменение // Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 1986. С. 25.
- ⁶ Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. М., 1991. № 6. С. 46–52.
- ⁷ Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 115.
- ⁸ Лиотар Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996. С. 154.
- ⁹ Thom R. *Stabilité structurelle et morphogénèse*. Paris, 1972.
- ¹⁰ Leitch V. *Deconstructive criticism: an advanced introduction*. London, 1983. P. 144.
- ¹¹ Smart B. *Postmodernity. Key Ideals*. London, 1997. P. 40–68.
- ¹² Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996. С. 119.
- ¹³ Лиотар Ж.-Ф. Указ. соч. С. 156.
- ¹⁴ Кристева Ю. От одной идентичности к другой // От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. Минск, 1997. С. 273.
- ¹⁵ Делез Ж. Логика смысла. М., 1995. С. 131.
- ¹⁶ Там же. С. 11.
- ¹⁷ Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996. С. 11.
- ¹⁸ Fokkema D. W. *The Semantic & Syntactic Organisation of Postmodern Texts // Approaching Postmodernism*. Amsterdam, 1986. P. 81–98.
- ¹⁹ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 381–387.
- ²⁰ Derrida J. *Structure, sign & play in the human sciences // The structuralist controversy*. Baltimore, 1972. P. 264.
- ²¹ Miller J.H. *Tradition & difference. Review of M.H.Abram's Natural Supernatura // Diacritics*. Vol. 2. № 2. Baltimore, 1972. P. 12.
- ²² D'haen T. *Postmodernism in American Fiction & Art // Approaching Postmodernism: Papers press. at a Workshop on Postmodernism, 21–23 Sept. 1984. Amsterdam – Philadelphia, 1984. P. 227; Perrone-Moisés L. L'intertextualité critique // Poétique*. Paris, 1976. № 27. P. 383.
- ²³ Барт Р. Указ. соч. С. 386.
- ²⁴ Делез Ж. Указ. соч. С. 122.
- ²⁵ Ионеско Э. Трагедия языка // Как всегда – об авангарде. Антология французского театрального авангарда. М., 1992. С. 136.
- ²⁶ Бродский И. Нобелевская лекция // Бродский И. Стихотворения. Таллин, 1991. С. 17.
- ²⁷ Гадамер Г.-Г. Человек и язык // От Я к Другому. Сборник переводов по проблемам интересубъективности, коммуникации, диалога. Минск, 1997. С. 137.
- ²⁸ Сартр Ж.-П. Миф и реальность театра // Как всегда – об авангарде. Антология французского театрального авангарда. М., 1992. С. 108–109.
- ²⁹ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 76.
- ³⁰ Kristeva J. *Narration et transformation // Semiotica*. Paris, 1969. № 4.
- ³¹ Harrari J. V. *Introduction // Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism / Ed. with introd. by Harrari J.V. London, 1980. P. 40.*

- 32 Tadié J.-Y. La critique littéraire an XX-e siècle. Paris, 1987. P. 224–225.
 33 Деррида Ж. Позиции. Киев, 1996. С. 48, 80.
 34 Там же. С. 47–48, 69–70.
 35 Барт Р. Указ. соч. С. 425.
 36 Делез Ж. Указ. соч.
 37 Деррида Ж. Указ. соч. С. 74–75.
 38 Барт Р. Указ. соч. С. 417.
 39 Там же. С. 419.
 40 Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста : в 3 т. Т. 1. Таллин, 1992.
 С. 131.
 41 Баблюянец А. Указ. соч. С. 21.
 42 Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Синергетика как новое мировидение: диалог
 с И. Пригожиным // Вопросы философии. М., 1992. № 12. С. 10–11, 17–20.
 43 Борхес Х. Л. Письмена Бога. М., 1992. С. 237.
 44 Там же. С. 239–240.
 45 Деррида Ж. Хора // Социо-Логос постмодернизма. М., 1996. С. 122–170.
 46 Барт Р. Указ. соч. С. 285.
 47 Делез Ж. Указ. соч. С. 122.
 48 Фуко М. Указ. соч. С. 64–65.
 49 D'haen Т. Указ. соч. Р. 223.
 50 Барт Р. Указ. соч. С. 251, 390–394.
 51 Там же. С. 460–461.
 52 Делез Ж. Указ. соч. С. 64–66.
 53 Там же. С. 215.
 54 Там же. С. 66–78.
 55 Там же. С. 67, 90.
 56 Барт Р. Указ. соч. С. 461.
 57 Николис Г., Пригожин И. Указ. соч. С. 14.
 58 Хакен Г. Синергетика. М., 1980. С. 373.
 59 Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 194.
 60 Там же. С. 56.
 61 Там же. С. 219.
 62 Там же. С. 237.
 63 Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Указ. соч. С. 10.
 64 Kristeva J. La révolution du language poétique: L'avantgarde á la fin du XIX siècle:
 Lautreamont et Mallarme. P., 1974. P. 133.
 65 Деррида Ж. Указ. соч. С. 168.
 66 Фуко М. Указ. соч. С. 62–65.
 67 Там же. С. 82–84.
 68 Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 197–198.
 69 Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Указ. соч. С. 6.
 70 Делез Ж., Гваттари Ф. Ризома Указ. соч. С. 28.
 71 Там же. С. 28.
 72 Fokkema D. W. Указ. соч. Р. 81–98.
 73 Фуко М. Ницше, генеалогия, история // Философия эпохи постмодерна. Минск,
 1996. С. 84.
 74 Deleuze G. Spinoza – philisophie pratique. Paris, 1981. P. 6.
 75 Deleuze G. Logique de la sensation. Vol. 1. Paris., 1972. P. 35.
 76 Барт Р. Указ. соч. С. 415–417, 460.
 77 Там же. С. 389.
 78 Leitch V. Указ. соч. Р. 261.
 79 Барт Р. Указ. соч. С. 418.
 80 Барт Р. S/Z. М., 1994. С. 138.
 81 Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 474.
 82 Derrida J. Dissemination. London, 1993.
 83 Kristeva J. Указ. соч. Р. 83–84.
 84 Там же. Р. 15.
 85 Там же. Р. 83.
 86 Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 240.
 87 Пригожин И. Указ. соч. С. 50.
 88 Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 197, 240.
 89 Хакен Г. Указ. соч. С. 15.
 90 Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 146.
 91 Делез Ж. Указ. соч. С. 210.
 92 Барт Р. Указ. соч. С. 419.
 93 Там же. С. 388.
 94 Деррида Ж. Позиции. Киев, 1996. С. 46.
 95 Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. М., 1992. № 4.
 С. 56–57.
 96 Деррида Ж. Позиции. Киев, 1996. С. 70–71.
 97 Барт Р. Указ. соч. С. 459.
 98 Кристева Ю. Дискурс любви // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская
 мысль середины XX века. СПб., 1994. С. 104.
 99 Делез Ж. Указ. соч. С. 214–215.

- ¹⁰⁰ Николис Г., Пригожин И. Указ. соч. С. 69.
¹⁰¹ Пригожин И., Стенгерс И. Указ. соч. С. 55.
¹⁰² Кристиева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1993. № 4. С. 5–6.
¹⁰³ Барт Р. Указ. соч. С. 428.
¹⁰⁴ Барт Р. S/Z. М., 1994. С. 20.
¹⁰⁵ Barthes R. Texts // Encyclopedia universalis. Paris, 1973. Vol. 15. P. 78.
¹⁰⁶ Деррида Ж. Указ. соч. С. 58.
¹⁰⁷ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 18.
¹⁰⁸ Эко У. Инновация и повторение. Между эстетикой модерна и постмодерна // Философия эпохи постмодерна. Минск, 1996. С.66.
¹⁰⁹ Джеймисон Ф. Указ. соч. С. 120.
¹¹⁰ Kristeva J. Narration et transformation // Semiotica. Paris, 1969. № 4. P. 443.
¹¹¹ Барт Р. Указ. соч. С. 459–460.
¹¹² Там же. С. 428.
¹¹³ Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. М., 1989. № 8. С. 8.
¹¹⁴ Хакен Г. Указ. соч. С. 369.
¹¹⁵ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Указ. соч. С. 7.
¹¹⁶ Бодрийяр Ж. Злой демон образов // Искусство кино. М., 1992. № 10. С. 64.
¹¹⁷ Лиотар Ж.-Ф. Указ. соч. С. 140–158.
¹¹⁸ Эпштейн М. Прото- или Конец постмодернизма // Знамя. М., 1996. № 3.
¹¹⁹ Бродский И. Указ. соч. С. 17.
¹²⁰ Ингарден Р. Исследования по эстетике. М., 1963. С. 57–82.
¹²¹ Там же. С. 30.
¹²² Барт Р. Указ. соч. С. 416.
¹²³ Там же. С. 251.
¹²⁴ Там же. С. 390.
¹²⁵ Там же. С. 390, 425–426.
¹²⁶ Деррида Ж. Указ. соч. С. 149.
¹²⁷ Там же. С. 9–28.

Поступила в редакцию 18.09.2013.

УДК 316.752.754

ХРИСТИАН ХЕРПФЕР,
 ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ПОЛИТОЛОГИИ
 АБЕРДИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)

О МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЕ «ВСЕМИРНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ» И ВСЕМИРНОЙ АССОЦИАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ЦЕННОСТЕЙ

В статье представлены цели, деятельность, история создания Всемирной ассоциации по изучению ценностей и результаты опросов, проведенных в рамках социологической международной научно-исследовательской программы «Всемирное изучение ценностей». Описывается методика проведения сравнительных исследований, анализируется мировая карта ценностей и связь ценностных представлений с восприятием глобализации, демократии, счастья, внутригруппового доверия в обществе и др. Работа знакомит с двумя пилотажными исследованиями: о влиянии ценностей на кооперативное поведение и о связи генетических факторов и скорости адаптации ценностей к изменяющимся обстоятельствам.

Ключевые слова: ценностные ориентации населения, исследовательская программа «Всемирное изучение ценностей», культурная карта ценностных ориентаций, социология, политология.

The article presents the aims, activities, history of the World Values Survey Association, as well as the survey findings gained in the international sociological academic research program «World Values Survey». The methodology of cross-cultural surveys, the analysis of the world values map are outlined, likewise the link of values with the perception of globalization, democracy, happiness, intragroup trust etc. Two pilot studies are introduced: values and cooperative behavior, and the relation between genes and the speed of values' adjustment to the changing situations.

Key words: values, research program the World Values Survey, cultural map of values, sociology, political studies.

**Редколлегия и Международный редсовет журнала поздравляет
 профессора Х. Херпфера с избранием президентом
 Всемирной ассоциации по изучению ценностей**